

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ПетрГУ)

Институт истории, политических и социальных наук
Кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений

Зуев Никита, Карпова Анастасия, Мозолевская Алиса
студенты 4 курса очного отделения

Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А. М. Панкратовой

В рамках учебного курса
Д.и.н. профессора А. В. Антощенко
«Историография отечественной истории»

Петрозаводск
2020

Основной чертой историографии 1950-х – 1960-х гг. была попытка объединить научность и объективность исследований с партийностью, не выходя за рамки марксистской парадигмы

До XX съезда КПСС историки руководствовались положениями постановления ЦК КПСС «*50 лет Коммунистической партии Советского Союза (1903–1953)*» о культе личности и необходимости его искоренения.

Задача исторической науки – устранить догматический подход к марксистско-ленинской теории. Эта тема стала присутствовать на заседаниях ученых советов, появилась в периодике.

Как следствие этого постановления в советской историографии **начинает подниматься проблема культа личности**, которая еще не связывалась с именем Сталина. Например, в докладе секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова «*50 лет Коммунистической партии Советского Союза*» (13 окт. 1953 г.) главным борцом с культом личности выступает сам Сталин.

В этом противоречии (главная фигура эпохи культа личности оказалась его главным обвинителем) отразилась вся сложность процесса преодоления культа личности Сталина.

Поэтому необходимо было осуществлять это преодоление постепенно, чтобы общественное самосознание «освоило» новые идеи.

Данный процесс затрудняла половинчатость выдвинутых положений, привнесение их в историческую науку «сверху», различное отношение отдельных групп историков к происходящим переменам, усугубленное «цензурой собственной головы», не позволяющей историку выйти за границы дозволенного.

Тем не менее, в исторической науке начались положительные сдвиги:

Увеличение доступа к источникам.

Начался процесс возвращения советской исторической науки в мировую историческую науку. В журнале «Вопросы истории» в 1956 году был создан новый отдел – «Историческая наука за рубежом».

Увеличение числа дискуссий. В начале оттепели обсуждали основной экономический закон феодализма, патриархально-феодальный строй у кочевых народов, экономическую природу посессионных мануфактур и проч.

Однако, они все по-прежнему были ограничены доктринами марксизма

Перемены в науке имели как своих сторонников, так и противников

В эпицентре оказался журнал **«Вопросы истории»**, руководимый академиком *А.М. Панкратовой*. Полного единодушия не было даже среди редколлегии.

Редакция журнала весной-летом 1955 г. была обвинена отделом науки ЦК КПСС в **«ослаблении внимания к вопросам идейно-политической выдержанности публикуемых статей»**, и в **преувеличении «положительных явлений в буржуазной науке»**.

Упреки адресовались таким статьям, как **«Об изучении новой и новейшей истории капиталистических стран»** (№7, 1954) и **«За глубокое и всестороннее исследование истории советского общества»** (№9, 1954).

Эти статьи выступили против упрощенного подхода к преодолению догматизма путем «изгнания цитат из того или иного произведения», в них затрагивались вопросы расширения источниковой базы, лучшей организации работы историков, т.е. они в целом **правильно оценили состояние и задачи в области изучения истории.**

Яркий пример «ошибочной» статьи – статья Ю. З. Полевого *«Об исторических взглядах Г.В. Плеханова»*, где автор сделал попытку преодолеть одностороннее представление о Плеханове как о меньшевике. Полевого обвинили в том, что он *ревизует ленинские взгляды на Плеханова*. И он готов был признать свою статью ошибкой.

Стало очевидно, что возможность проведения научного изучения истории по-прежнему целиком зависит от политической конъюнктуры. Наука не освободилась от внешних «стимулов» к развитию, она обрела лишь **«санкционированную свободу»**, т.е. монополия на истину оставалась в руках партийно-государственного руководства.

Неизменным был и механизм внесения концептуальных изменений в историческую науку. **Исключительное право трактовки партийных директив применительно к отечественной истории принадлежало Институту марксизма-ленинизма и Институту истории партии Московского комитета КПСС.**

После выхода статьи Н. Н. Яковлева *«Московские большевики во главе Декабрьского вооруженного восстания 1905 года»* (№12, 1955) редакция «Вопросов истории» получила письмо директор Института истории партии МК КПСС Г.Д. Костомарова, *написанное официальном бланке института*. Костомаров назвал статью *«протаскиванием контрабанды троцкизма»*, а самого автора – *«адвокатом Троцкого»*. Позицию Яковлева удалось отстоять, однако причиной этого было не разрешение полемики, а **состоявшийся XX съезд.**

XX съезд КПСС пробил брешь в господствовавшем в обществе тоталитарном складе мышления. Историки могли теперь усомниться в правильности положений «Краткого курса». Более того, в решениях съезда они надеялись найти те гарантии свободы научного поиска, отсутствие которых сковывало дальнейшее переосмысление прошлого.

Материалам съезда были посвящены собрания, совещания, заседания ученых советов и т.д. На них звучала критика или самокритика осмысления недавнего прошлого, когда историкам вместо того, чтобы отстаивать свои позиции, приходилось их менять.

Подготовленные к печати или завершаемые труды пересматривались, с их страниц исчезали осужденные трактовки, стали активнее вводиться ранее недоступные источники.

Но эти перемены не привели к краху догматизма: не только *из-за конкретно-исторической обстановки тех лет и устойчивости исследовательских стереотипов*, но и *из-за ментальности* и *из-за того, что государство не было заинтересовано в самостоятельно и нестандартно мыслящих людях*, в т.ч. и ученых-гуманитариях.

И все же это был шаг вперед: сочетание разбуженной творческой мысли и введение в оборот новых источников внушало надежды на создание исторических работ нового качества.

После XX съезда деятельность «Вопросов истории» стала составной частью формирования общественного мнения

Вышедший после съезда мартовский номер журнала открывался статьей *«XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии»*, в которой, по сути, формулировались новые подходы к изучению истории. Но при этом текст был написан в традициях неукоснительного следования партийным решениям: был поставлен вопрос о критическом отношении (с позиций ленинизма) ко многим положениям «Краткого курса истории ВКП(б)», к чему призывал историков в своем выступлении на XX съезде А. Микоян.

Э.Н. Бурджалов

Первой *авторской статьей*, в которой оспаривались трактовки «Краткого курса» стала статья Э. Н. Бурджалова *«О тактике большевиков в марте-апреле 1917 г.»*, где он показал, что Сталин в тот период расходился с Лениным по важным вопросам развития революции. За этой статьей последовали другие публикации, в которых опровергались догматы периода культа личности Сталина.

Это показало, что исправить фактические искажения, оставленные культом личности было трудоемко, но не так уж и сложно.

Гораздо труднее было приступить к решению вопросов **методологии, крупных проблем исторической науки**, необходимость чего ощущалась историками. Основой теоретико-методологического поиска становились *«творческие указания Ленина»* и, конечно, *решения XX съезда КПСС*. По-прежнему неизменным оставался *принцип апелляции к высшему партийному руководству* и лично Хрущеву.

После конференции читателей «Вопросов истории», прошедшей в Ленинграде 19-20 июня 1956 г., на которой столкнулись сторонники и противники линии журнала, началась **чередa критических высказываний в его адрес.**

Сначала со стороны руководства *Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС*, затем в июле 1956 г. в «*Партийной жизни*» была опубликована статья Е.Бугаева «*Когда утрачивается научный подход*» и в «*Коммунисте*» редакционная статья «*За творческую разработку истории КПСС*». В них высказывалось совпадающее обвинение «Вопросов истории» в спешке и необдуманности.

Заданный мотив подхватил обзор А. Александрова «*За подлинно научный подход к вопросам истории. К итогам читательской конференции, созванной редакцией журнала «Вопросы истории»*», опубликованной в «*Ленинградской правде*».

В качестве ответа на критику редакция журнала решила поместить статьи «с более обстоятельным раскрытием содержания по затронутым вопросам», т.е. **подтверждала намерение отстаивать взятый курс.**

В ответ на это последовали **новые обвинительные публикации.** Ряд газет и других изданий также осудили поспешность «Вопросов истории», однако журнал ответил им тем, что другие издания ориентируются на прошлое и уклоняются от решений XX съезда. Обстановка вокруг «Вопросов истории» накалялась.

В начале декабря 1956 года в *Академии общественных наук при ЦК КПСС* были организованы дискуссии, предполагавшие обсуждение статей «Вопросов истории» по истории КПСС. В центре обсуждения оказались те статьи, в которых подвергались критике ошибки, содержащиеся в «Кратком курсе» или в отдельных произведениях Сталина. **Никто из руководителей журнала не был приглашен принять участие, а журналу были предъявлены политические обвинения.**

Члены партийной организации «Вопросов истории» направили в Президиум ЦК КПСС коллективное письмо, но **попытки найти поддержку в аппарате и у членов Президиума ЦК КПСС окончились неудачей.**

Кульминацией описываемых событий стало **постановление ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”**» от 9 марта 1957 г., в котором говорилось о **«теоретических и методологических ошибках, имеющих тенденцию к отходу от ленинских принципов партийности в науке».**

Последовали **изменения в составе редколлегии и редакции**: мартовский номер готовил уже новый состав, из прежнего в него вошли только *С.Д. Сказкин* и *Н.А. Смирнов*. Главным редактором осталась *А.М. Панкратова*.

Этот номер открывала передовая статья **«За ленинскую партийность в исторической науке»**. От имени новой редколлегии были **признаны правильными выступления в адрес журнала органов печати**, в первую очередь таких газет, как *«Правда»*, *«Партийная жизнь»* и *«Коммунист»*.

Стремление к самостоятельному научному поиску было пресечено. Потому неудивительно, что советские историки как до, так и после XX съезда, продолжали ждать решений очередного съезда.

Три кита, на которых покоилась советская историческая наука —

Наказание за творческую инициативу могло быть суровым. Показателен пример **Л. Н. Краснопевцева**, секретаря бюро ВЛКСМ исторического факультета МГУ, аспиранта кафедры истории КПСС. Он создал из числа студентов, аспирантов и преподавателей кружок по изучению наиболее актуальных вопросов марксистско-ленинской теории. Дискуссии на занятиях кружка были бурными. В конце концов в **1958 г. 9 участников кружка были арестованы и осуждены на срок от 6 до 10 лет.**

Л. Н. Краснопевцев

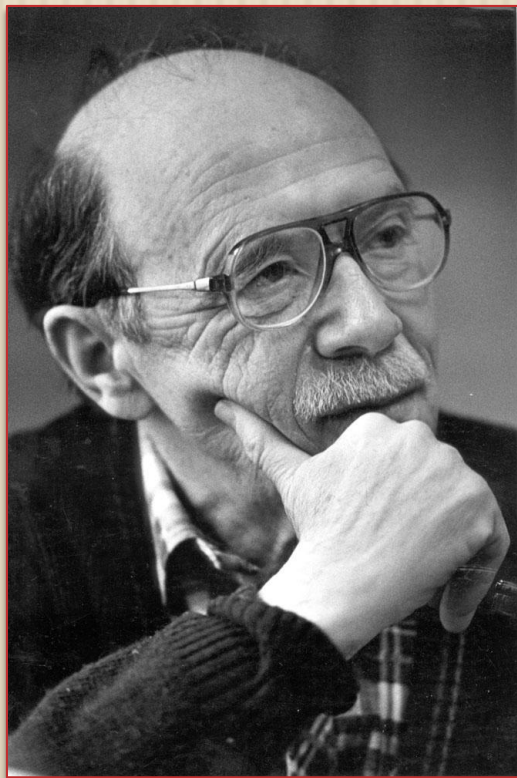
Решения XX и XXII съездов КПСС, имевшие отношение к исторической науке, дали возможность обращения к более широкому спектру исследовательских тем.

Отрицательные последствия культа личности историки видели и постепенно преодолевали их в своих работах. Более того, присутствовало стремление не просто вычеркивать имя Сталина, а обратиться к изучению новых источников.

В период середины 50х – середины 60х была начата **большая публикаторская работа**. В 1956 году в системе Академии наук были образованы специальные подразделения – секторы публикации источников по истории советского общества в институтах АН СССР, начали издаваться такие журналы, как «Исторический архив», «археографический сборник».

Режим публикации источников **слегка смягчился** после XXII съезда КПСС. Непреложным правилом для составителей документальных публикаций оставалось **комментирование всех материалов** **небольшевистского толка**.

М.Я. Гефтер

В январе 1964 г. в Институте истории АН СССР был создан Сектор методологии истории, которым руководил М.Я. Гефтер.

Его возникновение было связано с увеличением исторических материалов, знакомством с зарубежной историографией, узостью старых методологических подходов, которые побуждали к постановке вопросов теории исторического познания.

В секторе анализировались методы исследования социальных революций и теории общественно-экономических формаций, ставились проблемы соотношения всемирной истории и истории отдельной страны, естественнонаучного знания и гуманитарного, логики и историзма марксистской теории и др. На заседаниях сектора ставилась также **проблема субъективного фактора в истории**, обсуждался тип современного историка.

Однако, за попытками отстаивать право историка на самостоятельное исследование последовал закономерный итог – была организована кампания критики в прессе, затем проработки в партийных органах вплоть до ЦК КПСС и, наконец, реорганизация сектора, прекратившая его существование (1969-70 гг.).

Советская историческая наука на рубеже 1950-60х гг. **переживала переломный период** в своем развитии, освобождаясь от сталинского прочтения истории.

Но удалось обрести лишь **«санкционированную свободу»** исторической науки, когда путем проб и следовавших за ними ограничениями сверху шло определение границ дозволенного в исторических исследованиях.

Феномен «санкционированной свободы», распространявшийся как на методологию истории, так и на отбор источников, явился основным фактором, сдерживавшим развитие советской исторической науки.